

Трибуна молодого ученого ROSTRUM OF A YOUNG SCIENTIST

Оригинальная статья / Original article

Политика Индии и Турции в Центральной Азии: общее и особенное

© И.Ю. ЩЕДРОВ, А.А. ВЕРНИГОРА

Щедров Иван Юрьевич, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), ivanschedro@gmail.com. ORCID: 0000-0002-3477-6320

Вернигора Алина Андреевна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), avernigora@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-6447-5078

Проведено сравнение внешней политики Турции и Индии в Центральной Азии на современном этапе. Определены инструменты, отличительные черты, интересы и цели внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, а также оценена результативность инициатив в регионе. Проанализированы трансформации общественно-политического дискурса, определено влияние преобладающих в нем нарративов на формирование подхода Турции и Индии к Центральной Азии. Сделан вывод о том, что обе страны не обладают достаточным политическим и экономическим весом, чтобы считаться ключевыми игроками в регионе, но используют схожие методы достижения внешнеполитических целей. Однако по причине ряда субъективных и объективных факторов эффективность их стратегии отличается. Политику стран характеризует дефицит системности и подверженность внешнеполитической конъюнктуре. Страны проявляют довольно сдержанную реакцию по большинству внутрирегиональных конфликтов, в то же время идеологические противоречия препятствуют конструктивному диалогу, который мог бы укрепить их позиции в Центральной Азии.

Ключевые слова: Индия, Турция, Центральная Азия, дискурс, политика

Цитирование: Щедров И.Ю., Вернигора А.А. (2024) Политика Индии и Турции в Центральной Азии: общее и особенное // Общественные науки и современность. № 5. С. 111–124. DOI: 10.31857/S0869049924050092, EDN: JUMBXA

The Policy of India and Türkiye in Central Asia: the General and the Particular

© I. SHCHEDROV, A. VERNIGORA

Ivan Shchedrov, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), ivanschedro@gmail.com. ORCID: 0000-0002-3477-6320

Alina Vernigora, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), avernigora@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-6447-5078

Abstract. The foreign policies of Türkiye's and India in Central Asia at the present stage are compared. The instruments, distinctive features, interests and goals of foreign policy and foreign economic activities are defined, as well as assess the effectiveness of initiatives implemented in the region are assessed as well. The transformation of public and political discourse is analyzed, the influence of the prevailing narratives on the approach formation of Türkiye and India to Central Asia is determined. It is concluded that the two countries do not have sufficient political and economic weight to be considered key players in the region but use similar methods to achieve their foreign policy goals. However, due to several factors, the effectiveness of their strategies differs. The countries' policies are characterised by a lack of consistency and susceptibility to foreign policy conjuncture. The countries show rather restrained reactions to most intraregional conflicts, while ideological contradictions prevent constructive dialogue that could strengthen their positions in Central Asia.

Keywords: India, Türkiye, Central Asia, discourse, politics

Citation: Shchedrov I., Vernigora A. (2024) The Policy of India and Türkiye in Central Asia: the General and the Particular. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 111–124. DOI: 10.31857/S0869049924050092, EDN: JUMBXA (In Russ.)

После распада биполярной системы Центральная Азия заняла особое место во внешней политике многих стран, которые были заинтересованы в доступе к энергоресурсам и новым рынкам сбыта. В условиях военно-политических и экономических кризисов Индии и Турции пришлось заново выстраивать механизмы взаимодействия с постсоветскими республиками и переосмыслить свою внешнеполитическую стратегию. Кризис Движения неприсоединения, разрыв торгово-хозяйственных связей с СССР, экономические и политические кризисы в Южной Азии чрезвычайно усложнили эту задачу для Нью-Дели. В свою очередь, Анкара утратила свою основную функцию как южный рубеж НАТО – сдерживание СССР.

Центральная Азия значима для Индии в связи с ее экономическими и стратегическими интересами. В условиях высокой зависимости от конъюнктуры международного энергетического рынка Индия стремится диверсифицировать географию поставщиков нефти и газа за счет стран региона. В стратегической плоскости его рассматривают как пространство борьбы с влиянием Пакистана и Китая. Общие границы с Афганистаном и территориальная близость к Джамму и Кашмиру вызывают беспокойство относительно распространения терроризма и религиозного экстремизма на территорию Индии.

Похожие цели преследует и Турция. Будучи энергозависимой и экспортоориентированной страной, она долгое время выстраивала отношения со странами региона в рамках энергетической и торговой повестки. Однако языковое и этнокультурное родство с государствами Центральной Азии позволяет ей расширять диапазон проблем, которые можно

решить совместными усилиями. Наконец, в этом регионе пересекаются интересы двух других стратегических партнеров Анкары – Москвы и Пекина, что также провоцирует особую активность турецкой политики.

Индия и Турция наращивают свое присутствие в регионе, однако его масштабы по-прежнему ограничены по сравнению с Россией и Китаем. В то же время стремление руководства «новых» сил укрепить свои позиции поддерживают местные политические элиты, поскольку оно соответствует их цели проводить многовекторную политику. Необходимость диверсифицировать внешние связи стала актуальной для них на фоне роста зависимости от китайских проектов, а также после начала украинского кризиса.

Стратегическое значение Центральной Азии для России закреплено в Концепции внешней политики, поэтому анализ политики других держав принципиально важен для определения механизмов взаимодействия с этим регионом. Изучая модели их взаимодействия, можно выявить их цели, намерения и основные тенденции, а также определить потенциальные возможности для сотрудничества. Цель настоящей статьи – выделить общее и особенное в политике Индии и Турции в Центральной Азии, а также сравнить взаимное восприятие стран. Проведен анализ трансформации стратегий государств после 1990 г., а также развития субъективных факторов, которые обуславливают интерес к региону со стороны политических и экономических элит. Под Центральной Азией авторы понимают пять постсоветских республик: Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Такие географические рамки в целом соответствуют представлению Индии и Турции относительно границ региона.

Трансформация политики Индии и Турции в Центральной Азии

Индия. На протяжении 1990-х гг. политика Индии в регионе не отличалась системностью – руководство страны не смогло сформулировать ее цели и инструменты. В определенном смысле их стратегию можно назвать «точечной»: ставку делали на развитие двусторонних форматов для решения оперативных задач, в то время как экономические связи развивались слабо. Суть данной политики выразил премьер-министр Индии Н. Рао во время визита в Туркменистан в 1995 г.: «Индия желает установления честной и открытой дружбы без причинения вреда какой-либо третьей стороне» [Dave 2016, 4].

С середины 1990-х гг. Индия начала использовать новый подход к региону, который в тематической литературе называют «Смотри на Север» (Look North Policy) [Kavalski 2015, 430]. Его цель – избавиться от «стратегического окружения» со стороны Пакистана и найти инструменты борьбы с пакистанской концепцией «стратегической глубины» в Афганистане. Импульсом для активизации взаимодействия стали ядерные испытания Индии в 1998 г. и первые успехи наступательных операций Северного альянса в Афганистане [Kavalski 2010, 88]. Нью-Дели был обеспокоен проблемой распространения терроризма и религиозного экстремизма на территории Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. Основными механизмами координации антитеррористической деятельности стали совместные рабочие группы и соглашения о военно-техническом сотрудничестве. Индия проводила совместные учения с вооруженными силами государств региона и вела подготовку офицеров.

Особое место в индийской политике занял Таджикистан, который разделяет 1,4 тыс. км границы с Афганистаном и географически близок к региону Джамму и Кашмир. В рамках заключенного в 2002 г. соглашения о сотрудничестве в области обороны Индия обязалась модернизировать авиабазу Айни, которая расположена в 10 км юго-западнее Душанбе. Она имела стратегическое значение как с точки зрения участия в Афганском

конфликте, так и с точки зрения противостояния с Пакистаном [Stobdan 2020, 239]. За пять лет Индия вложила в реконструкцию примерно 70 млн долл. В СМИ поступала противоречивая информация относительно статуса объекта. Часть комментаторов называют Айни первой зарубежной базой Индии. Некоторые обозреватели утверждают, что страна обладала военной базой в Таджикистане еще с середины 1990-х гг. [Kavalski 2007, 849], другие же отрицают факт, что базу используют индийские военные.

Новая политика, «Связь с Центральной Азией» (Connect Central Asia), была сформулирована только в 2012 г. администрацией М. Сингха. Она стала ответом на растущую экономическую роль Китая, и формально государство придерживается этого курса до сих пор. Его основные направления на первом заседании диалогового формата «Индия-Центральная Азия» описал государственный министр иностранных дел Индии Э. Ахамед: обмен визитами на высоком уровне, сотрудничество в области безопасности, многосторонние форматы, энергетика и природные ресурсы, медицина, образование, строительный сектор, МТК «Север-Юг», торговля и инвестиции, туризм, научные и студенческие обмены. Он отметил, что политика Индии основана на «политическом, экономическом и техническом сотрудничестве, а не просто на претензиях на нефтегазовые ресурсы региона»¹.

В 2015 г. премьер-министр Н. Моди совершил визит во все страны региона. Это был первый визит премьер-министра Индии в Киргизию за 20 лет, в Таджикистан – за 12 лет и в Узбекистан – за 9 лет. Политические элиты Индии осознали, что необходимо предложить альтернативу китайским проектам Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Анонсированный президентом США Б. Обамой вывод войск из Афганистана, по мнению руководства Индии, мог спровоцировать изменения в стратегической расстановке сил. Учитывая, что в тот период расширялась география деятельности ИГИЛ², вопросы безопасности приобрели принципиально важное значение.

Нью-Дели постепенно переходит от двустороннего формата к многостороннему сотрудничеству, что свидетельствует о переходе к общерегиональному подходу. До 2009 г. Индия была слабо вовлечена в деятельность ШОС, однако в 2017 г. она стала полноправным членом объединения. Данная трансформация была вызвана увеличением роли организации в региональных процессах; стало очевидно, что отсутствие страны в объединении может привести к изоляции Индии на евразийском направлении.

Отсутствие систематических контактов с государствами региона негативно сказалось на результативности внешней политики. В последние годы Индия создает собственные форматы для сотрудничества сразу на нескольких уровнях. В 2019 г. в Самарканде состоялось первое заседание диалога Индия-Центральная Азия на уровне глав МИД. Второе заседание прошло в онлайн-формате, третье – в Нью-Дели в декабре 2021 г. В результате был создан Деловой совет Индия-Центральная Азия (India-Central Asia Business Council, ICABC) – новая переговорная площадка на уровне представителей торгово-промышленных палат. Также страны Центральной Азии получили грант на высокоэффективные проекты развития местных сообществ (High Impact Community Development Projects, HICDPs) и кредит в размере 1 млрд долл. США³. Логичным продолжением переговоров на уровне глав МИД стал первый саммит Индия-Центральная Азия в январе 2022 г., который ознаменовал 30-летие

¹ Keynote address by MOS Shri E. Ahamed at First India-Central Asia Dialogue. Ministry of External Affairs. Government of India. 12.06.2012. (<https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/19791/>).

² Организация запрещена в России.

³ Joint Statement of the 3rd meeting of the India-Central Asia Dialogue. Ministry of External Affairs. Government of India. 19.12.2021. (https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/34705/Joint_Statement_of_the_3rd_meeting_of_the_IndiaCentral_Asia_Dialogue).

дипломатических отношений между странами⁴. По его итогам стороны договорились раз в два года проводить встречи на высшем уровне, создать Центр «Индия-Центральная Азия», который будет выполнять функции секретариата, и рабочие группы по Афганистану и иранскому порту Чабахар⁵. В рамках формата планируется сформировать дорожную карту сотрудничества и комплексного подхода к развитию отношений сроком на 30 лет⁶.

Сейчас к традиционным темам сотрудничества добавляются инициативы в области устойчивого развития – в частности, Международный солнечный альянс (International Solar Alliance, ISA) и Коалиция за устойчивую к стихийным бедствиям инфраструктуру (Coalition for Disaster Resilient Infrastructure, CDRI). Вероятно, в ближайшем будущем Индия будет делать ставку на сотрудничество в области возобновляемой энергетики и ИКТ-сектора.

С начала 1990-х гг. Индия предпринимала попытки укрепить двусторонние связи в энергетической сфере [Smith 1996, 13]. В это время начали функционировать межправительственные комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. С помощью данной политики Индия стремится достичь энергетической безопасности за счет диверсификации поставщиков энергоресурсов. Первые попытки выйти на местные энергетические рынки были предприняты в Казахстане. Индия стремилась закрепить свое присутствие в нефтегазовом секторе страны еще с середины 1990-х г., однако первое соглашение индийская ONGC Videsh Ltd (OVL) и казахстанская «КазМунайГаз» подписали только в 2009 г. [Pradhan 2021, 201]. На фоне визита премьер-министра М. Сингха в Казахстан стороны заключили еще один договор, который предоставил индийской компании 25%-ю долю в Сагнаевском разведочном блоке. Соглашение предполагало, что Индия покроет затраты на геологоразведочные мероприятия, однако позже компания вышла из проекта по причине отсутствия рентабельности.

Несмотря на то что с 2001 г. показатели торговли между Индией и странами Центральной Азии возросли в 10 раз, они все еще остаются на низком уровне. Согласно данным Министерства торговли Индии, по состоянию на 2022 г. товарооборот составил 1,27 млрд долл. (см. рис 1), что в десятки раз меньше показателей торговли стран региона с Россией и Китаем.

Низкий уровень торгово-экономических связей обусловлен тем, что у индийского бизнеса практически отсутствуют стимулы для выхода на центральноазиатские рынки. Данная ситуация вызвана отсутствием благоприятного визового режима, языковым барьером, нехваткой экспертизы, макроэкономической нестабильностью в регионе и коррупцией, отсутствием твердой конвертируемой валюты и надлежащей транспортной инфраструктуры как в странах региона, так и в соседних Иране и Афганистане [Warikoo 2016, 9]. Последняя проблема была частично решена с помощью проектов МТК Север-Юг и ТАПИ. Особое значение уделяется развитию иранского порта Чабахар как альтернативы китайским инвестициям в пакистанский порт Гвадар, однако вложения Индии в инфраструктуру недостаточны.

⁴ Delhi Declaration of the 1st India-Central Asia Summit. Ministry of External Affairs. Government of India. 27.01.2022. (https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/34773/Delhi_Declaration_of_the_1st_IndiaCentral_Asia_Summit).

⁵ Щедров И. Первый саммит Индия – Центральная Азия: начало новой политики в регионе? ИМЭМО РАН. 25.02.2022. (<https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/perviy-sammit-indiya-tsentralnaya-aziya-nachalov-novoy-politiki-v-regione>).

⁶ English translation of Prime Minister's Opening Remarks at the first meeting of India Central Asia Summit. Ministry of External Affairs. Government of India. 27.01.2022. (<https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/34772/English+translation+of+Prime+Ministers+Opening+Remarks+at+the+first+meeting+of+India+Central+Asia+Summit>).

Рисунок 1. Торговый оборот Индии и Турции со странами Центральной Азии

Figure 1. India and Türkiye's trade turnover with Central Asian countries

Источник: составлено авторами на основе данных Министерства торговли и промышленности Индии и ТуркСтата (TürkiyeİstatistikKurumu; TÜİK).

Source: compiled by the authors based on data from the Ministry of Commerce and Industry of India and TurkStat.

Ранее в экспертном сообществе обсуждали возможность строительства железной дороги через Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), однако на фоне роста напряженности между Индией и Китаем данный проект вряд ли будет претворен в жизнь.

Турция. С 1991 по 1993 г. Турция подписала порядка 140 соглашений с центральноазиатскими республиками по вопросам политического, военного, гуманитарного и военного сотрудничества. Анкара также предпринимала попытки институционализировать отношения. В 1992 г. по ее инициативе состоялся первый Саммит глав тюркских государств. Через год страны создали Международную организацию тюркской культуры (ТЮРКСОЙ; Türk Kültür ve Sanatları Ortak Yönetimi). В 1992 г. было основано Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию (ТКА), которое занимается проектами инфраструктурного и гуманитарного характера. В период с 1992 по 1996 г. порядка 90% всей официальной помощи в целях развития (ОПР) новым республикам предоставила Турция [Laruelle, Peyrouse 2013, 76]. В 2007 г. для проецирования турецкой «мягкой силы» и конструирования собственного имиджа Анкара создала Центры им. Ю. Эмре, подконтрольные Министерству культуры и туризма.

Однако желанию политических элит Анкары укрепить связи сопротивлялись сами центральноазиатские республики, которые стремились проводить многовекторную внешнюю политику. Турецкая экономика была не готова поддерживать все инициативы, из-за чего большая часть проектов была свернута.

В 2008 г. была сформирована Парламентская ассамблея Тюркских государств (TurkPA) – многосторонняя политическая площадка, предтеча Тюркского совета. Однако деятельность организации не приносила значимых результатов, а саммиты проходили нерегулярно. К ее достижениям можно отнести увеличение товарооборота среди стран-членов на 22% [Amreyev, 2019], развитие транспортных коммуникаций и сотрудничество в области образования и туризма. Несмотря на пандемию COVID-19, товарооборот между

государствами увеличился благодаря новым транспортным маршрутам и росту цен на ресурсы – в частности, на энергоносители и медь.

2021 г. стал прорывным для Тюркского совета: в рамках председательства Анкары структура была переименована в Организацию тюркских государств (ОТГ), а стороны инициировали ряд межгосударственных проектов – в частности совместный инвестиционный фонд. Особое внимание привлекают идеи о создании общего алфавита, информационной платформы и формулирование общей тюркской истории, что может усилить интеграцию государств.

Подходы Индии и Турции к региональным конфликтам

На официальном уровне Индия старается дистанцироваться от публичных заявлений о внутренней политике и двусторонних отношениях стран региона. В индийской политике превалирует приверженность принципу невмешательства во внутренние дела государств. Во внешней политике государство придерживается так называемого «демократического экземпляризма» – страна готова поддерживать демократические институты только тогда, когда к ней обращаются за помощью другие правительства. Такую политику признают политические элиты некоторых стран региона [Stobdan 2014]. События, которые происходят на территории стран Центральной Азии, могут повлиять на безопасность в соседних регионах – в том числе в Индии. Соответственно, их оценивают с точки зрения влияния на региональную стабильность и возможности усиления позиций исламистских группировок. Индия предпочла дистанцироваться от публичной оценки протестов в Казахстане в январе 2022 г. Любую нестабильность в регионе Индия рассматривает как неблагоприятный фактор, однако она может иметь одно положительное последствие – негативную динамику отношений стран региона с Китаем⁷.

Анкара также не участвовала в урегулировании конфликтов в регионе и не могла выступить полноценным гарантом безопасности [Политические процессы... 2020]. Так, отношения с Таджикистаном государство фактически начало выстраивать только после окончания гражданской войны. В 2005 г. Анкара в ООН осудила политику Ташкента после событий в Андижане. В остальном Турция не вмешивается в региональные конфликты, помогая оборонным силам центральноазиатских республик развиваться самостоятельно через совместные учения и тренировки персонала на своей территории [EmreSucu, Iskandarov, Mahmudov, Chernov 2021].

Ситуация начала меняться после Второй карабахской войны, которая стала демонстрацией не только военно-технологического прогресса Анкары, но и ее стремления выполнять обязательства по защите своих союзников. В то же время Турция весьма сдержанно отреагировала на беспорядки в Казахстане в январе 2022 г. Данный факт можно объяснить тем, что в составе ОТГ отсутствуют военно-силовые структуры, которые можно мобилизовать в случае угроз безопасности.

Особенности внешнеполитических подходов

Индию традиционно интересуют вопросы безопасности, которые связаны с событиями в Афганистане и политикой Пакистана. В экономической сфере страна стремилась получить доступ к энергоресурсам региона, однако не добилась весомых успехов на этом

---

⁷ Unnikrishnan N. Mishra S. The domestic and international significance of protests in Kazakhstan. ORF. 10.01.2022. (<https://www.orfonline.org/expert-speak/the-domestic-and-international-significance-of-protests-in-kazakhstan/>).

направлении – во многом из-за субъективных факторов. Из-за переоценки роли пакистанского и исламского факторов Индия сформировала «запоздалую, медленную и нерешительную» позиции [Kavalski 2010, 86]. Опасения относительно экономической экспансии Китая и санкций США в отношении Ирана, а также неудачные попытки выйти на нефтяной рынок Казахстана стали причиной низкой заинтересованности крупного индийского бизнеса.

Отношения Турции со странами региона начали развиваться на фоне кризиса политической идентичности. После того, как Анкара разочаровалась в Европейском союзе в связи с отказом в полноценном членстве в 1989 г. и утратила стратегическую важность для НАТО, она увидела возможность сформировать собственный альтернативный блок с тюркскими республиками.

Несмотря на то что Индия также пыталась обосновать политику общим культурно-историческим прошлым, Турция достигла больших успехов в конструировании своей внешнеполитической идентичности, создав крепкую институциональную основу для продвижения политических и экономических интересов. Страны Центральной Азии смогли привлечь турецких инвесторов, которые способствовали развитию рынка и инфраструктуры. С расширением транспортной сети Анкара получила доступ к критически важным для нее энергетическим ресурсам. В отличие от Индии, в данных отношениях вопросы безопасности играли меньшую роль.

Образ Центральной Азии в политике Турции: в поисках «тюркского братства»

Развитие турецкого дискурса тесно переплетается с концепциями пантюркизма, которые сформировались под влиянием политики нацстроительства Ататюрка. «Турецкий исторический тезис», разработанный под патронажем кемалистов, утверждал, что центральноазиатские тюрки, которые переселились на земли Анатолии из-за изменений климата, были предками всех цивилизаций [Poulton 1997, 105]. Данный тезис лег в основу учебных пособий раннего республиканского периода и привел к развитию пантюркистских настроений в обществе. Тем не менее на государственном уровне они не проявлялись в значительной степени вплоть до распада Советского Союза.

С окончанием холодной войны центральноазиатский дискурс возродился в риторике политических элит Турции. Премьер-министр С. Демирель в своих выступлениях говорил о создании тюркского мира «от Адриатического моря до Великой Китайской стены», а президент Т. Озал провозгласил XXI в. «веком тюрков» [Шлыков 2017]. В то же время политические элиты отрицали экспансионистскую направленность своей политики, отмечая, что народы тюркского мира не стремятся стать гражданами одного государства, а всего лишь хотят сотрудничать [Landau 1995, 194].

Попытка пересмотреть политику в отношении Центральной Азии произошла в 2001 г. Профессор А. Давутоглу в своей книге «Стратегическая глубина» обосновал стратегическое значение региона для политики Анкары. Советская власть не только «скрыла» эти территории от всего мира, но и повлияла на местную национальную идентичность, заменив этнические и религиозные суб-идентичности идеей советского человека. Будучи родственной в культурно-этническом плане страной, Турция могла бы способствовать возрождению региона и сформировать собственную сферу влияния. Автор представляет Центральную Азию как продолжение региона Южного Кавказа и Каспийского бассейна, своеобразный «проход» далее в Азию [Çeviköz 2016, 34].

Пришедшая к власти в 2002 г. Партия справедливости и развития (ПСР) в предвыборном манифесте отметила неудовлетворительный уровень отношений с регионом⁸. Уже в 2007 г. в программном документе правящая партия назвала его «основой евразийской стратегии», в основе которой лежит работа с турецкой общиной, продвижение тюркской идентичности, а также обеспечение транспортной и экономической связанности⁹. В 2011 г. Анкара использовала термин «тюркская география» (она же турецкая) в отношении региона, что спровоцировало спекуляции об экспансионистской политике страны¹⁰.

Тюркистский дискурс набирает популярность в периоды роста националистических настроений [Свиштунова 2020, 221–222]. Особенно ярко данная динамика проявилась после выборов в 2018 г. Чтобы получить большинство в парламенте, ПСР сформировала Народный альянс (Cumhurİttifaki) с Партией националистического движения (ПНД), которая в 1990-е гг. курировала работу ТКА¹¹. С 1997 г. партия смягчила свою политику и отошла от исходных ультраправых идей, но сохранила свою тюркистскую направленность. Можно предположить, что в этом альянсе представители партии отвечают за политику на этом направлении. В предвыборном манифесте 2018 г. отношения с тюркским миром называют привилегированным партнерством¹².

Согласно наблюдениям экспертов, в ходе всеобщих выборов 2023 г. националистические партии и кандидаты победили¹³, что в перспективе может сказаться на связях со странами Центральной Азии. Планируется, что ОТГ будет способствовать укреплению этих взаимоотношений: в концепции «Видение-2040» зафиксировано намерение не только продвигать общую тюркскую идентичность, но и поощрять деятельность диаспоры на территории стран-членов¹⁴. Правящая ПСР в своей программе также отметила важность организации, выразив намерение не только координировать усилия при решении проблем региона, но и расширять сферы взаимодействия. Одним из приоритетных направлений считается военно-техническое сотрудничество¹⁵, что может сказаться на позициях России в регионе.

Образ Центральной Азии в политике Индии: перманентный поиск стратегии

Центральноазиатский вектор находился на периферии общественно-политического дискурса в Индии. Представители экспертного сообщества рассматривали взаимодействие с регионом через призму отношений с другими державами или же в контексте макроэкономических и геополитических трендов. Маргинальность этого вектора можно объяснить и тем, что «доктрина» бывшего премьер-министра Индии И.К. Гуджрала называла принципиально важной задачей внешней политики страны в 1990-х гг. нормализацию отношений со странами Южной Азии [Murthy 1999].

⁸ AK Parti. 2002 Yolunda Ak Parti Seçim Beyannemeleri.

⁹ AK Parti. 2007 Genel Seçimleri Seçim Beyannamesi.

¹⁰ AK Parti. 12 Haziran 2011 Genel Seçimleri Seçim Beyannamesi.

¹¹ Kımkıloğlu S. Eurasianism in Turkey. SWP Research: Berlin. 2022.

¹² 24 Haziran 2018 Seçim Beyannamesi. Milliyetçi Hareket Partisi. (https://www.mhp.org.tr/ur_img/_mhp2007/kitaplar/24haziran2018_secim_beyannamesi_tam_web.pdf).

¹³ Nationalism Is The True Victor In Turkish Elections. Daily Sabah. 17.05.2023. (<https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/nationalism-is-the-true-victor-in-turkish-elections>).

¹⁴ Turkic World Vision – 2040. (<https://turkicstates.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf>).

¹⁵ AK Parti. Seçim Beyannamesi 2023.

Необходимость сформировать внешнеполитическую стратегию на этом направлении возникла из-за того, что индийские элиты были обеспокоены вероятностью появления «транснационального исламского образования» на территории Центральной Азии [Chopra 1991, 913]. Широко распространено мнение, что проблема религиозного экстремизма влияет не только на жителей Кашмира, но и на все 170-миллионное мусульманское население страны. Индийский исследователь М.С. Рой в 2001 г. писала, что «Индия должна сотрудничать с мировыми державами, чтобы преодолеть растущую угрозу религиозного экстремизма» [SinghRoy 2021, 2273–2289].

Индийские авторы подчеркивали транзитный и торговый потенциал Центральной Азии, а также возможную роль региона в обеспечении энергетической безопасности. Экономическое присутствие Индии в регионе ограничивалось нежеланием крупного индийского энергетического бизнеса соперничать с китайскими компаниями после ряда неудачных сделок в Казахстане. Первая неудача случилась еще в 1997 г., когда Китайская национальная нефтегазовая корпорация (China National Petroleum Corporation, CNPC) выиграла право на разработку месторождения Узень. В 2005 г. Китай перебил ставку Индии на приобретение третьей по величине нефтяной компании Казахстана «ПетроКазахстан». В 2013 г., несмотря на предварительные договоренности, индийская компания OVL снова проиграла Китаю сделку на сумму 5 млрд долл. по покупке 8,4% доли американской компании ConocoPhillips. Данная сделка должна была предоставить Индии доступ к месторождению Кашаган. Многие договоренности были отменены в последний момент по решению правительства страны. Этот факт укоренил в среде индийских экспертов идею о том, что сделки с Китаем были заключены в результате личных договоренностей, в которых имела место коррупционная составляющая. По некоторым данным, страна проиграла Китаю сделки на общую сумму 12,5 млрд долл. [Pradhan 2021, 202].

Индийские эксперты полагали, что после прихода к власти администрации Н. Моди в 2014 г. Индийская народная партия (БДП) будет проводить более активную политику. На практике существенных изменений не произошло. Индия не смогла предложить свое видение будущего региона – уровень взаимодействия с республиками Центральной Азии остается очень низким и сводится к символическому поддержанию присутствия. В 2010 г., пытаясь предложить долгосрочный формат взаимодействия, бывший посол Индии в Киргизии Ф. Стобдан писал, что Индия должна «отказаться от западного научного подхода к Центральной Азии» и «сделать “мягкую силу” основой своей политики»¹⁶. Сегодня главными инструментами Нью-Дели на данном направлении стали апелляция к общему культурно-историческому прошлому и широкое гуманитарное сотрудничество (гуманитарная помощь, модернизация и строительство учебных заведений, создание кафедр хинди, строительство медучреждений, программы обмена студентами, а также «вакцинная дипломатия»). Такой формат должен напоминать странам, что Индия в этом регионе не новый игрок, а скорее старый друг.

Обращения к общим культурно-историческим связям обоснованы потребностью Индии обеспечить безопасность в регионе. С другой стороны, такой нарратив подкрепляет мировоззрение политических элит, согласно которому они представляют не просто государство, а государство-цивилизацию [Kavalski 2010, 165].

¹⁶ Stobdan P. India, Buddhism and Geopolitics in Central Asia: Regaining Centrality. IDSA Policy Brief. 25.06.2010. (https://www.idsa.in/policybrief/IndiaBuddhismandGeopoliticsinCentralAsia_pstobdan_250610).

Взаимное восприятие политики

Важная особенность общественно-политического дискурса в Индии заключается в том, что происходящие в регионе процессы анализируют через категориальный аппарат неореализма. Индийские авторы акцентируют внимание на противостоянии крупных держав как в экономической (контроль над природными ресурсами), так и в политической (контроль над сферами влияния) плоскостях. Индийские ученые активно используют в своих работах понятие «Новая Большая игра» с его появления в середине 1990-х гг. Турция, по их мнению, полноправно участвует в этой «игре» [Pradhan 2021, 55]. Широко распространено представление, что крупные державы продвигают отличные друг от друга и зачастую несовместимые стратегии регионализации. В области экономики индийский истеблишмент беспокоят связи Турции с Китаем, в частности, интерес политических лидеров Турции к инициативе «Пояса и пути».

В Индии уверены, что двустороннее взаимодействие с Турцией не достигло полноты своего потенциала. Одной из причин тому выступают связи Анкары с Исламабадом и позиция по кашмирскому вопросу. Еще одним поводом для беспокойства индийских лидеров стал религиозный фактор: с 1990-х гг. в Центральной Азии активизировались представители религиозной секты Нурджулар, которых спонсируют турецкие бизнес-группы. Ф. Стобдан отмечал, что Индии «необходимо научиться отличать исламский фундаментализм и тюркский национализм, зарождающийся в Евразии» [Stobdan 2008, 527–547]. Отличаются позиции стран и по афганскому вопросу. Индийский эксперт Х.В. Пант утверждал, что политика Турции в Афганистане может противоречить целям Индии [Pant, Mehta 2019, 166–182]. В частности, в 2017 г. сообщалось, что Турция выступает посредником в переговорах между Афганистаном и Пакистаном, а также талибами и афганским правительством. Политические элиты Индии были недовольны попытками Турции убедить Узбекистан и Казахстан смягчить позиции в отношении переговоров с талибами.

СМИ и эксперты освещают индийский вектор в политике Турции менее активно. Бывший министр иностранных дел Турции И. Джем (1997–2002 гг.) выступал за выстраивание отношений с крупнейшими экономиками Евразии, в том числе с Нью-Дели¹⁷. Той же политики придерживался и премьер-министр Б. Эджевит, который в 2000 г. посетил Индию с государственным визитом впервые за 14 лет. В тот период Анкара отошла от своей безусловной поддержки Пакистана по кашмирскому вопросу, заявив, что его должны решать исключительно Нью-Дели и Исламабад. Во многом пересмотр позиции связан с демократическими тенденциями и прозападными настроениями среди турецких элит. Тема Кашмира начинает занимать важное место в риторике Анкары лишь в 2019 г., когда власти Индии решили аннулировать ст. 370 Конституции и лишить автономии штат Джамму и Кашмир. Позиционирование Турции как защитника всех мусульман существенно ограничивает потенциал двусторонних отношений на политическом уровне.

Турки в целом позитивно относятся к идее улучшения отношений с Индией как новой мировой державой¹⁸. Проправительственная газета Yeni Şafak в декабре 2022 г. отметила важность Индии как политического игрока и выразила надежду на укрепление связей

¹⁷ Cem I. (1997) Turkey: Setting Sail to the 21st Century. Perceptions: Journal of International Relations. No. 2 (3). Pp. 1–4.

¹⁸ Turkey, India Are ‘Natural’ Allies, AKP Deputy Says. Hürriyet Daily News. 26.07.2019. (<https://www.hurriyetdailynews.com/turkey-india-are-natural-allies-akp-deputy-145273>).

между Анкарой и Нью-Дели, избежав при этом упоминания Кашмира¹⁹. Данные заявления были сделаны в свете председательства Индии в Большой двадцатке и Шанхайской организации сотрудничества.

Представители экспертного сообщества Турции практически не уделяют внимание политике Индии в регионе, что говорит о низком политическом и экономическом влиянии страны в Центральной Азии. В имеющихся публикациях на тему подчеркивается интерес Нью-Дели к региону, однако его не выделяют как конкурента на данном пространстве. В то же время на образ Индии в Турции существенно влияет солидарность Анкары с Исламабадом.

Выводы

Политика и Индии, и Турции в регионе не отличается системностью. На первом этапе Индия не формулировала общую стратегию взаимодействия, однако и в политике «Связь с Центральной Азией» от 2012 г. цели и направления сотрудничества прописаны довольно широко. Турция также не сформировала комплексную стратегию в отношении региона, несмотря на то что необходимость связи с тюркским миром подчеркивают как правящие круги, так и оппозиция. В то же время краткосрочные цели по объемам товарооборота и инвестиций, которые ставит само турецкое правительство, как правило, достигаются.

Обе страны прибегают к «мягкой силе» на этом направлении. Индия использует гуманитарное сотрудничество, чтобы поддерживать присутствие в регионе, а также апеллирует к культурно-цивилизационным связям. Аналогичные методы с начала 1990-х гг. использует и Турция. В ее случае формированию позитивного образа способствовало языковое и этническое родство со странами Центральной Азии. На основе этих связей были созданы многосторонние площадки, на которых Турция продвигает политическую и экономическую повестку.

Наконец, политику обеих стран определяли внешние факторы, а именно взаимодействие с крупными державами. Тем не менее, на стратегии государств они влияют по-разному. Для Индии ключевое значение имеет динамика отношений с Россией, Китаем и Пакистаном. Эта особенность предопределила периферийное положение центральноазиатского вектора в общественно-политическом дискурсе и инертную политику Индии в регионе. В отличие от Индии, для Турции китайский фактор выступил стимулом. Анкара рассматривает присутствие Пекина в Центральной Азии как возможность получить доступ к китайским проектам, инвестициям и технологиям, развивая совместные проекты в рамках «Пояса и пути» и Транскаспийского международного транспортного маршрута.

Проблемы в отношениях с Пакистаном и Китаем, санкционный режим в отношении Ирана и опасения относительно возможности образования «пояса нестабильности» вокруг своей территории не позволили Индии воплотить инфраструктурные проекты в области энергетики и транспорта. Турция, установив дружеские отношения с Азербайджаном и Пакистаном, создала благоприятное окружение, которое способствует большей интеграции в регион. Во многом поэтому уровень двусторонней торговли Турции почти в десять раз превышает показатели Индии.

Важное значение имеет миф, который создают политические элиты и экспертное сообщество. Индия завышает исламский фактор и роль Китая в регионе, что сдерживает ее

---

¹⁹ Türkiye-Hindistan İlişkileri: 2023 dönüm noktası olabilir. Yeni Şafak. 13.12.2022. (<https://www.yenisafak.com/dusunce-gunlugu/turkiye-hindistan-iliskileri-2023-donum-noktasi-olabilir-3895333>).

во внешней политике. Турция, в свою очередь, использует тюркскую идентичность как опору для присутствия в регионе, однако центральноазиатские элиты не всегда разделяют эти настроения, придерживаясь национальных интересов. Турция и Индия смотрят друг на друга через «призму» пакистанского фактора, что мешает странам выстраивать конструктивный диалог. Таким образом, в условиях антагонизма по принципиально важным вопросам возможности для взаимодействия Индии и Турции в Центральной Азии ограничены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы. Коллективная монография (2020) Ред.: Э.Г. Соловьев, Г.И. Чуфрин. М.: ИМЭМО РАН. 276 с.

Politicheskie processy na postsovetskom prostranstve: novye trendy i starye problemy. Kollektivnaya monografiya [Political Processes in the Post-Soviet Space: New Trends and Old Problems. Collective Monograph] (2020) Ed(s): E.G. Solovyev, G.I. Chufirin. Moscow: IMEMO. 276 p. (In Russ.)

Свистунова И.А. (2020) Турция: влияние политической идентичности на внешнюю политику // В: Ближний Восток: Политика и идентичность. Коллективная монография. Ред.: И.Д. Звягельской. Москва: ИМЭМО РАН. 336 с.

Svistunova I.A. (2020) Turkey: The Impact of Political Identity on Foreign Policy. In: *Blizhnij Vostok: Politika i identichnost'. Kollektivnaya monografiya*. Ed(s): I.D. Zvyagel'skaya. Moscow: IMEMO RAS. 336 p. (In Russ.)

Шлыков П.В. (2017) Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. Т. 8. № 1, С. 58–72.

<https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76>

Shlykov P.V. (2017) Eurasianism and Eurasian Integration in the Political Ideologies and Practice of Turkey. *Sravnitel'naya politika*. no. 1, pp. 58–76. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76> (In Russ.)

Amreyev B. (2019) Building Momentum: The Turkic Council Begins a New Decade // In: 10th Anniversary of Nakhichevan Agreement. Ed(s): C. Şahverdiyev, C. Veliyev. Turkic Council. Pp. 27–34.

Chopra P. (1991) Foreign Policy in a Changing World // *Economic and Political Weekly*. No. 26. Pp. 911–922.

Çeviköz Ü. (2016) Turkey in Reconnecting Eurasia: Foreign Economic and Security Interests. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies.

Dave B. (2016) Resetting India's Engagement in Central Asia: From Symbols to Substance. Policy Report. RSIS. Pp. 1–17.

Emre Sucu A., Iskandarov O.I., Mahmudov R.B., Chernov D.N. (2021) Does Turkey Have a Central Asian Project? // *Вестник МГИМО-Университета*. № 14. С. 82–96.

<https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-3-78-82-96>

Kavalski E. (2007) Partnership or Rivalry between the EU, China and India in Central Asia: The Normative Power of Regional Actors with Global Aspirations // *European Law Journal*. No. 13. Pp. 839–856. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0386.2007.00393.x>

Kavalski E. (2010) India and Central Asia. The Mythmaking and International Relations of a Rising Power. London: I.B. Tauris Publishers. 288 p.

Kavalski E. (2015) India's Bifurcated Look to "Central Eurasia": The Central Asian Republics and Afghanistan // In: *The Oxford Handbook of Indian Foreign Policy*. Ed(s): D.M. Malone, C. Raja Mohan, S. Raghavan. Oxford: Oxford University Press. Pp. 424–436.

Landau J. (1995) Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation. London: Hurst & Company. 275 p.

- Laruelle M., Peyrouse S. (2013) *Globalizing Central Asia: Geopolitics and Challenges of Economic Development*. Abington, New York: Taylor & Francis. 376 p.
- Murthy P. (1999) *The Gujral Doctrine and Beyond // Strategic Analysis*. No. 23. Pp. 639–652. <https://doi.org/10.1080/09700169908455072>
- Pant H.V., Mehta K. (2019) *Turkey and India: A Relationship in Progress // In: Turkey's Pivot to Eurasia. Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order*. Ed(s): E.Erşen, S. Köstem. London: Routledge. Pp. 166–182.
- Poulton H. (1997) *Top Hat, Grey Wolf and Crescent: Turkish Nationalism and the Turkish Republic*. New York: New York University Press. 351 p.
- Pradhan R. (2021) *Geopolitics of Energy in Central Asia, India's Position and Policy*. Routledge: New York. 303 p.
- Singh Roy M. (2021) *India's Interests in Central Asia // Strategic Analysis*. No. 24. Pp. 2273–2289.
- Smith D.L. (1996) *Central Asia: A New Great Game? // Asian Affairs: An American Review*. No. 23. Pp. 147–175.
- Stobdan P. (2008) *Shanghai Cooperation Organization: Challenges to China's Leadership // Strategic Analysis*. No. 32. Pp. 527–547. <https://doi.org/10.1080/09700160802214318>
- Stobdan P. (2014) *Central Asia. Democracy, Instability and Strategic Game in Kyrgyzstan*. New Delhi: Pentagon Press. 66 p.
- Stobdan P. (2020) *India and Central Asia: The Strategic Dimension*. New Delhi: IDSA. 524 p.
- Warikoo K. (2016) *Central Asia and South Asia: Opportunities and Challenges // India Quarterly*. No. 72. Pp. 1–15. <https://doi.org/10.1177/0974928415618751>

Информация об авторах

Щедров Иван Юрьевич, младший научный сотрудник Центра Индоокеанского региона, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: ivanschedro@gmail.com

Вернигора Алина Андреевна, младший научный сотрудник Центра изучения стратегического планирования, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: avernigora@imemo.ru

About the authors

Ivan Yu. Shchedrov, Junior Research Fellow, Center of the Indo-Pacific Region, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: Profsoyuznaya St., 23, Moscow, 117997, Russia. E-mail: ivanschedro@gmail.com

Alina A. Vernigora, Junior Research Fellow, Center for Strategic Planning Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: Profsoyuznaya St., 23, Moscow, 117997, Russia. E-mail: avernigora@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 22.07.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 12.10.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 14.05.2024